



УДК 111.32(470)

СВОБОДА БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

С.П. Позднева

Саратовский государственный университет
E-mail: maslovrv@gmail.com

Статья посвящена принципу свободы как ведущему принципу в русской религиозной философии.

Ключевые слова: свобода, бытие, человек.

Freedom of Human Being in Russian Religious Philosophy

S.P. Pozdneva

The article is devoted to the principle of freedom as the guiding principle of Russian religious philosophy.

Key words: freedom, human being, human.

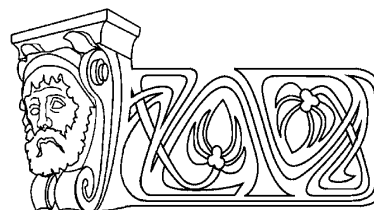
В современном обществе чрезвычайно велика значимость свободы личности, которая формально воспринимается как одно из прав человека и гражданина. Но при этом трактовка категории свободы неоднозначна. Традиционная интерпретация свободы как «осознанной необходимости» нуждается в серьезном осмыслении. Свобода как одна из основных философских категорий характеризует сущность человека и его существование. Исследователи считают, что исторически сложились различные интерпретации свободы.

Фаталистический подход соотносит категорию свободы с понятием Судьбы как необходимости, имеющей сверхъестественный характер (Аристотель, Сократ, Эпикур, Августин Блаженный, Фома Аквинский).

Субъективистский подход связан с отрицанием объективных закономерностей в трактовке свободы (А. Шопенгауэр, А. Бергсон, Ф. Ницше, А. Камю, К. Ясперс).

Гносеологический подход описывает свободу как оппозицию необходимости в познании (Р. Декарт, Б. Спиноза, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс, Э.В. Ильенков, Т.И. Ойзерман, Э. Фромм).

Деятельностный подход рассматривает свободу в рамках диалектики познания и социальной деятельности (В.А. Лекторский, В.С. Швырев, Я.Ф. Аскин, В.Б. Устьянцев, В.П. Барышков, Т.А. Погршаева).



И, наконец, *аксиологический подход* осмысливает свободу как ценность (Вольтер, Ж.Ж. Руссо, М.А. Бакунин, К.С. Аксаков, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев). Именно этот подход в русской религиозной философии представляется наиболее перспективным.

Наиболее адекватное понимание свободы с точки зрения религиозной философии, по нашему мнению, содержится у С.Л. Франка. В работе «Саратовский текст» приведены мысли С.Л. Франка о свободе: «1. *Свобода*. Свобода означает совокупность условий, при которых окружающие лицо объекты подчиняются воле индивидуума, свобода есть понятие отрицательное, она есть всегда свобода *от чего-нибудь*, или отсутствие определенной зависимости. В широком и общем смысле свобода, следовательно, означает отсутствие зависимости человека от окружающих внешних условий – или, что то же – полное господство над окружающей средой, всемогущество и полная нестесненность *воли*; свобода есть самодержавие воли <...> Сюда входит: 1) свобода от внешней природы – идеал *технического прогресса*; 2) свобода от власти людей – идеал *политического и правового прогресса* (частью которого является прогресс социальный, достигающий свободы от косвенной, экономической зависимости) и 3) наконец, свобода от собственных несвободных, то есть не исходящих от чистого внутреннего “я” побуждений – идеал *прогресса морального*»¹. Такая точка зрения соответствует *аксиологическому подходу*.

Только понимание свободы как потенциальной способности человека к свободному выбору, как возможности мыслить и поступать в соответствии со своими представлениями и желаниями, а не вследствие внутреннего или внешнего принуждения дает личности возможность обретения духовной



свободы. Например, В.С. Соловьев пишет: «От начала истории три коренные силы управляли человеческим развитием. Первая стремится подчинить человечество во всех сферах и на всех степенях его жизни одному верховному началу, в его исключительном единстве стремится смешать и слить все многообразие частных форм, подавить самостоятельность лица, свободу личной жизни <...> Но вместе с этой силой действует другая, прямо противоположная, она стремится разбить твердыню мертвого единства, дать везде свободу частным формам жизни, свободу лицу и его деятельности <...> Всеобщий эгоизм и анархия... – вот крайнее выражение этой силы <...> Но человечество <...> и история не есть механическое движение, и поэтому необходимо присутствие третьей силы, которая дает положительное содержание двум первым, освобождает их от их исключительности, примиряет единство высшего начала с свободной множественностью частных форм и элементов, созидает, таким образом, целость общечеловеческого организма и дает ему внутреннюю <...> жизнь»².

Возможно, именно поэтому сегодня можно обратиться к точке зрения одного из выдающихся русских философов, который еще в первой половине XX в. выделил тему свободы личности. Наряду с точкой зрения В.С. Соловьева интересна позиция С.Н. Булгакова, который подошел к проблеме свободы и необходимости более широко. Вопрос о синтезе свободы и необходимости, полагает С.Н. Булгаков, нуждается в разъяснении. «Прежде всего, что такое свобода, как ее понимать? Для правильной постановки этого вопроса необходимо исключить то ложное его истолкование, при котором вопрос рассматривается лишь применительно <...> к идее механической, каузальной закономерности <...> Мы знаем, что наука есть познание природы как механизма <...> Поэтому свободе и нет места в науке <...> Свобода в таком понимании есть лишь недетерминизм и не имеет никакого положительного определения»³. «Всё живое самопричинно <...> и в этом смысле все живое свободно. Всё живое самопроизвольно, но настоящая свобода, полагает С.Н. Булгаков, принадлежит только

духу, следовательно, тем живым существам, которые являются духоносными, т.е. человеку. Свободой увенчивается личность <...> И перед этим непосредственным, живым самосвидетельством свободы бессильны уверения детерминизма»⁴.

Наиболее полную версию свободы человеческой личности мы находим у Н.А. Бердяева: он не только выделил проблему свободы личности как центральную в философской мысли, но и предложил пути ее решения. Как отмечают многие исследователи творчества Бердяева, идея свободы личности у него окрашена прямо противоположными настроениями: трагизмом и решимостью совершить «революцию духа», переживаниями одиночества и порывом к всепобеждающей соборности, чувством «падшести» бытия и истории и верой в преображающую и спасительную силу человеческой свободы. По мнению Г.П. Федотова, «четыре понятия, взаимно связанных, в сущности разные аспекты одной идеи определяют философскую тему Бердяева: Личность, Дух, Свобода и Творчество». Как и его друг Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов считал политическую свободу и свободное творчество неотъемлемой частью культурного созидания⁵.

Философия Бердяева носит персоналистический характер: он сторонник ценностей индивидуализма. «Истинное решение проблемы реальности, проблемы свободы, проблемы личности – вот настоящее испытание для всякой философии», – считает он. Н.О. Лосский пишет: «В особенности же Бердяев интересовался проблемами личности <...> она не часть общества, напротив, общество – только часть или аспект личности. Личность – не часть космоса, напротив, космос – часть человеческой личности»⁶. Бердяев поглощен экзистенциальным интересом к человеку. В «Самопознании» он отмечает: «Свобода для меня первичнее бытия. Своеобразие моего философского типа прежде всего в том, что я положил в основание философии не бытие, а свободу»⁷. Бердяев пишет: «Свобода, личность, творчество лежат в основе моего мироощущения и мирозерцания <...> Свободу нельзя ни из чего вывести, в ней можно лишь изначально пребывать»⁸.



Философ приходит к неизбежности допущения существования несотворенной свободы. Он считает, что свобода не создана Богом, но он сам рождается из свободы, из Ничто. Так как свобода не создана Богом, он не обладает властью над свободой. Бог-Творец всемогущ над бытием, но не обладает никакой властью над небытием, над несотворенной свободой. Бердяев предпочитал абсолютизировать свободу, отделить ее от Бога и человека. Это открывало путь к гармонизации бытия, которая осуществлялась с помощью творчества. Но поскольку творчество, по убеждению философа, также проистекает из свободы, то именно противоборство зла и творчества составляет сущность новой эпохи – эпохи «третьего откровения», ожиданием которой наполнено большинство произведений Бердяева.

Н.О. Лосский считает, что «Бердяев отвергает всемогущество Бога и утверждает, что Бог не творит воли существ вселенной, которые возникают из Ungrund, а просто помогает тому, чтобы воля становилась добром...»⁹. По мнению Бердяева, личность и субъективное находятся в конфликте с общим и объективным, личность восстает «против власти объективированного „общего“». В книге «Царство духа и царство кесаря» он писал: «Объективация есть выбрасывание человека вовне, экстерниоризация, подчинение условиям пространства, времени, причинности, рационализации. В экзистенциальной же глубине человек находится в общении с духовным миром и со всем космосом». Таким образом, объективация представляет собой не раскрытие, обнаружение духа, а, наоборот, его закрытие, обеднение. Философ видит природное зло не только в жестокости борьбы за существование, в страдании и смерти, а в самом факте необходимости, несвободы, которая составляет сущность материи. Философ утверждает примат свободы над бытием. Бытие вторично, есть уже детерминация, необходимость, есть уже объект, считает автор. «Свобода не есть сознательная необходимость, как учили германские идеалисты. Необходимость есть дурная, бессознательная свобода <...> *Необ-*

*ходимость есть падшая свобода, свобода вражды и распада, свобода хаоса и анархии»*¹⁰.

Философ убежден, что свобода трагична: если она составляет сущность человека, то, следовательно, она выступает как обязанность; человек поработан своей свободой. Он ответственен за свои поступки и происходящее в мире. «Свобода есть моя независимость и определяемость моей личности изнутри <...> не выбор между поставленным передо мной добром и злом, а мое созидание добра и зла. Само состояние выбора может давать человеку чувство угнетенности <...> даже несвободы. Освобождение наступает, когда выбор сделан и когда я иду творческим путем»¹¹. Бердяев воспринимает свободу «не как легкость, а как трудность». По мысли писателя, даже простая политическая свобода, свобода выбора убеждений и поступков – это тяжелая и ответственная обязанность. Он пишет: «В этом понимании свободы как долга, бремени, как источника трагизма мне особенно близок Достоевский <...> Свобода порождает страдание, отказ же от свободы уменьшает страдание <...> люди легко отказываются от свободы, чтобы облегчить себя»¹², – эта идея философа перекликается со взглядами Достоевского. У Достоевского свобода – не право человека, а обязанность, долг. «Человек есть существо свободное, духовное и творческое, и свободное творчество духовных ценностей он предпочитает счастием»¹³.

Таким образом, взгляд Бердяева на проблему свободы человеческой личности представляется следующим. Личность – это ноуменальный центр мироздания, обнаруживаемый через выявление бесконечности и всеобъемлемости духа конкретного человека. Даже трансцендентное открывается в духе и через дух личности. Однако присущая ей свобода двойственна: она дана человеку и от Бога как просветленная свобода к добру, истине, красоте, вечности и от Божественного «ничто», которое заключает в себе возможность зла и отпадение от Бога.

Философия свободы есть философия богочеловечества – вот идея Бердяева. В ней



трансцендентный прорыв из необходимости естества в свободу божественной жизни. Для Бердяева важна «проблема индивидуальной судьбы в вечности». Растворение личности, неповторимой индивидуальности в безликой божественности противоположна христианской идее.

Суть «персоналистической революции», объявленной Бердяевым, раскрывается им в концепции творчества, центральным стержнем которой становится идея творчества как откровения человека. Философия творческого антропологизма получила развернутое выражение в его книге «Смысл творчества», основная тема которой – идея творчества как главной задачи человека. В этой книге философ ставит вопрос об отношении творчества и искупления, об оправдании человека в творчестве и через творчество. Его целью служит искание смысла, который является ценностью, и потому ценностно окрашено всякое творческое стремление. Творчество создает особый мир, оно «продолжает дело творения», уподобляет человека – Творцу. Бердяев считает, что всё достоинство творения, всё совершенство его по идее Творца – в присущей ему свободе. Свобода есть основной внутренний признак каждого существа, сотворенного по образу и подобию Божьему; в этом признаке заключено абсолютное совершенство плана творения. Бердяев пишет: «Творчество предполагает ничто, меон. И этот меон есть тайна изначальной, первичной, домирной, добытийственной свободы в человеке. Тайна творчества и есть тайна свободы»¹⁴. «Творчество – это цель жизни человека на земле», – утверждает он. В книге «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (1931) философ заявляет, что не только этика искупления, но также этика творчества есть путь в царство небесное.

В «Смысле творчества» Бердяев выражает мысль, что «творчество есть творчество из ничего, то есть из свободы». При этом мыслитель поясняет, что «творческий акт человека не может целиком определяться материалом, который дает мир, в нем есть новизна, не детерминированная извне миром. Это и есть тот элемент свободы, который приводит во всякий подлинный творческий акт»¹⁵.

Кроме того, философ говорит о трагедии человеческого творчества. Он видит ее в несоответствии его результатов первоначальному замыслу, в том, что «творческий акт в своей первоначальной чистоте направлен на новое бытие <...> на преобразование мира»¹⁶. Подтверждение своей мысли Бердяев видит в том, что великие русские писатели чувствовали конфликт между совершенной культурой и жизнью и стремились к совершенной, преобразованной жизни. В том отношении очень показательны Гоголь, Толстой, Достоевский. Реалистическое творчество, считает он, было бы преобразованием мира, возникновением нового неба и новой земли, так как творческий акт <...> предвосхищает начало мира нового, новой эпохи Духа.

В произведениях писателя можно проследить связь между исключительным отношением его к творчеству и достаточно пессимистическим отношением к действительности. Он считает, что творческий акт всегда был трансцендированием, выходом за границу имманентной действительности, прорывом свободы через необходимость. Творчество для него не столько оформление в конечном, в творческом продукте, сколько раскрытие бесконечного, полет в бесконечность. Бердяев понимает под творчеством «потрясение и подъем всего человеческого существа, направленного к иной, высшей жизни, к новому бытию». Именно в творческом опыте «раскрывается, что “я”, субъект, первичнее и выше, чем “не-я”, объект»¹⁷. «Творчество всегда есть освобождение и преодоление. В нем есть переживание силы»¹⁸. Творчество – это откровение «я» Богу и миру, в нем оправдание человека, как бы ответный шаг на его пути к трансцендентному.

Благодаря гуманизму своей философской позиции и таким отличительным ее чертам, как восстание против любых форм тоталитаризма, неустанная защита свободы, отстаивание первичности духовных ценностей, антропоцентрический подход к проблемам, персонализм, искания смысла жизни и истории Бердяев сумел возвыситься до подлинной самобытности, открыть перед русской духовностью новые горизонты мысли.



Под «личностью» Бердяев понимает неповторимую, уникальную субъективность. Благодаря присущей ей свободе и возможности свободного творчества она направлена на созидание нового мира. В этом с ним солидарны многие русские философы, и, в частности, Б.П. Вышеславцев: «Личность человека не есть отрешенный дух, отрешенный ум, отрешенная свобода <...> В христианстве духовная личность есть воплощенный дух, воплощенный ум, творческая свобода, свобода воплощения своих идей»¹⁹.

Бердяев всегда отстаивал нередуцируемость свободы к необходимости, ее неприкосновенность перед лицом экспансии детерминизма. Возможно, именно поэтому относимый в исторической хронологии к первой половине XX в. Н.А. Бердяев и русские философы Серебряного века остаются во многом нашими современниками, призывающими при решении всех философских проблем ставить в центр человека, отстаивать его свободу и творчество.

Работа выполнена в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» (Проект № 2.1.3/6499).

Примечания

- ¹ Франк С.Л. Саратовский текст / С.Л. Франк; Отв. ред. В.В. Прозоров. Саратов, 2009. С.60–61.
- ² Соловьев В.С. Три силы / В.С. Соловьев // Смысл любви. Избранные произведения. М., 1996. С.28–29.
- ³ Булгаков С.Н. Философия хозяйства / С.Н. Булгаков. М., 1990. С.166–167.
- ⁴ Булгаков С.Н. Указ. соч. С.169.
- ⁵ Федотов Г.П. Святые Древней Руси / Г.П. Федотов. М., 1990. С.8.
- ⁶ Лосский Н.О. История русской философии / Н.О. Лосский. М., 1991. С.303.
- ⁷ Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии) / Н.А. Бердяев. М., 1991.
- ⁸ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества / Н.А. Бердяев. М., 1989.
- ⁹ Лосский Н.О. Указ. соч. С.303.
- ¹⁰ Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. / Н.А. Бердяев. М., 1994. Т.1. С.155.
- ¹¹ Бердяев Н.А. Самопознание. С.99, 117.
- ¹² Там же. С.99.
- ¹³ Там же. С.117.
- ¹⁴ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. М., 1990. С.152.
- ¹⁵ Там же. С.213–214.
- ¹⁶ Бердяев Н.А. Философия свободы... С.523.
- ¹⁷ Бердяев Н.А. Самопознание... С.210–211.
- ¹⁸ Бердяев Н.А. Философия свободы... С.255.
- ¹⁹ Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса / Б.П. Вышеславцев. М., 1994. С.287.